

УДК 94 (470.67)

DOI:10.24411/2618-6772-2018-10102

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович,
д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала
daniyal2006@rambler.ru

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ, ИРАНА И ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

Аннотация. В статье на основе скрупулезного анализа, использования широкого круга документальных материалов и научной литературы освещается роль северокавказских народов в русско-персидских и русско-османских отношениях рассматриваемого периода. Раскрываются стратегические замыслы османской Порты, шахского Ирана и царской России в отношении Северного Кавказа, анализируются методы их реализации. Кроме того, немалое внимание уделено освободительной борьбе местных народов, выявлению факторов, определявших ориентацию населения края на Российское государство.

Ключевые слова: Россия, Иран, Турция, Северный Кавказ, Крым, народы, внешняя политика, борьба, влияние, крестьянская война.

THE NORTH CAUCASUS IN THE POLICIES OF RUSSIA, IRAN AND TURKEY IN THE FIRST THIRD OF THE XVII CENTURY

Daniyal S. Kidirniyazov,
Doctor of Historical sciences, Leading Researcher of the Institute of History, Archeology
and Ethnography of the Daghestan Scientific Center of RAS, Makhachkala
daniyal2006@rambler.ru

Abstract. The paper, on the basis of scrupulous analysis, the use of a wide range of documentary materials and scientific literature, highlights the role of the North Caucasian peoples in the Russian-Persian and Russian-Ottoman relations of the period under review. The strategic plans of the Ottoman Porte, Shah's Iran and Tsarist Russia are disclosed with respect to the North Caucasus, methods for their implementation are analyzed. In addition, considerable attention is paid to the liberation struggle of the local peoples, the identification of factors that determined orientation of the population of the region to the Russian state.

Key words: Russia; Iran; Turkey; the North Caucasus; Crimea; peoples; foreign policy; struggle; influence; peasant war.

В XVII в. народы Северного Кавказа вели народно-освободительную борьбу против завоевательной политики султанской Турции и шахского Ирана.

Следует отметить, что между Персией и Портой был подписан мирный трактат, согласно которому Азербайджан, Армения и Грузия подпали под власть османского султана, сферой влияния которого признавался и Дагестан. В Дербенте, захваченном еще в 1578 г. крымско-османскими войсками, продолжал оставаться турецкий гарнизон [1, с. 58]. Это давало османам возможность быть в курсе всех событий в регионе, контролировать политическую обстановку на Северном Кавказе, следить как за взаимоотношениями местных правителей между собой, так и за связями с Россией.

Необходимо указать, что Порта учитывала стратегическую важность владения Дагестаном. При этом особый упор османы делали на Прикаспийские земли, в частности на Дербент и прилегающие к нему земли. Это объяснялось военно-стратегическим значением Дербента, издавна связывавшего северокавказские народы и Россию с

Южным Кавказом, Ираном, Ближним Востоком. Кроме того, как отмечалось выше, Дербент являлся важным торгово-экономическим центром и транзитной базой на трассе волжско-каспийского торгового пути, по которому из Персии и Южного Кавказа в Европу шло огромное количество шелка-сырца, шелковых тканей и изделий, пользовавшихся большим спросом на рынке [2, с. 275–276; 3, с. 122].

Султанская Турция вела наступление на Дагестан с двух сторон: с юга через Дербент и с севера с использованием военных сил Крымского ханства, проходивших через Северный Кавказ в Южный Кавказ на помощь османским войскам [4, т. 1, с. 270–271].

Необходимо указать, что эти походы сопровождалась насилием и грабежами. Местные народы оказывали захватчикам героическое сопротивление. Упорное сопротивление северокавказцев, поддержанное Российским государством, заставило Порту отменить намеченные на 1606, 1608, 1616, 1629, 1635 гг. походы крымского хана через Северный Кавказ на Южный Кавказ [5, с. 921].

Местное население, находившееся под властью Порты, подвергалось обложению различными налогами в пользу османской казны. Особенно было подвергнуто политическому и экономическому гнету население Южного Дагестана. Этим можно объяснить то, что в начале XVII в. здесь вспыхнули два антиосманских выступления. Наиболее мощным было восстание 1601–1602 гг., которое охватило Дагестан и Северный Азербайджан, в частности Ширван. Это восстание возглавил Абу-Бекр-мирза, сын Бюрган-мирзы, «проживавшего в Черкесии и Дагестане» [6, с. 107]. Руководитель восстания был приглашен ширванцами, так как Абу-Бекр-мирза был одним из ширваншахов дербентской династии [7, с. 267].

В 1602 г. Абу-Бекр-мирза, собрав кюринцев, табасаранцев и других дагестанцев, соединился с правителем Шеки Шах-Мирза-ханом. Совместными силами повстанцы захватили Ахты и Мискинджи, где находились османские отряды. Узнав об этом, против горцев с огромной армией выступил османский наместник – владетель Ширвана Ахмед-паша. Последнему удалось разбить вооруженные отряды повстанцев вблизи села Агбиль, после чего правитель Ширвана жестоко расправился с жителями Южного Дагестана и Кубы [6, с. 108].

Следующим антиосманским выступлением в Южном Дагестане в начале XVII столетия было восстание горожан в Дербенте в 1606 г. Следует отметить, что восстание 1606 г. против османов охватило только город Дербент. Это антисултанское выступление совпало с неудачами османских войск в возобновившейся с 1603 г. персидско-османской войной за господство на Кавказе. В 1606 г. персидской армии удалось вытеснить османов почти со всего Южного Кавказа. Нужно отметить, что шахские войска многие города Южного Кавказа брали без кровопролития. Так, например, жители г. Баку, находившиеся до этого под властью османской администрации, с приближением персидских войск восстали и перебили османский гарнизон. Затем отправили к иранскому шаху ключи от города с приглашением занять его. Впоследствии персидский правитель Аббас I занял Баку и одарил местную знать ценными подарками [7, с. 278].

Вскоре жители Дербента последовали примеру бакинцев. Султанский правитель в Дербенте Гасан-паша, хорошо понимая безвыходность своего положения, капитулировал перед совместными силами дербентцев и приглашенного горожанами на помощь кайтагского уцмийа Рустам-хана, а также прибывших к ним на помощь иранских войск [8, с. 271].

После капитуляции османского гарнизона в Дербенте, дербентская знать и кайтагский уцмий отправили персидскому правителю Аббасу I депутацию с выражением покорности. После этого османское влияние в Дагестане было почти сведено на нет.

Между тем, начало XVII в. ознаменовалось для Порты потерей влияния на Северо-Восточном Кавказе и такой мощной стратегической базы, как Дербент, позволявшей контролировать связи Южного Кавказа с Европой. Разумеется, такая потеря не устраивала султанскую Турцию. Хотя, согласно мирному трактату 1613 г. с шахским Ираном, Дагестан перешел в сферу влияния Персии, османы не прекращали борьбу за возврат его в сферу своего влияния. С этой целью Порты посылала в Дагестан своих

эmissаров с фирманами и ценными подарками, подстрекая местных владельцев против Персии [8, с. 88]. Так, в 1635 г., 4 османских эmissара посетили Табасаран, Кайтаг, Казикумух и доставили Султан-Махмуду Эндиреевскому и Тючелаву Казикумухскому фирманы султана, в которых последний призывал их поддержать его в борьбе с персами. Османский правитель Мурад IV, как указывал азербайджанский историк А.-К. Бакиханов, вступил в сношения с кайтагским уцмием Рустам-ханом, пытаясь «взволновать горцев против Персии» [9, с. 99]. Возможно, что эта султанская агитация повлияла в какой-то мере на антишахскую направленность политики кайтагского правителя с конца 30-х гг. XVII в., которая привела уцмий к военному столкновению с персидскими войсками.

Следует отметить, что в начале XVII в. в Дагестане произошло острое столкновение интересов России и Порты. Каждая из сторон стремилась к господству над Дагестаном. Необходимо указать, что эти устремления России подогревались Персией [10, с. 124].

Между тем, начало XVII в. не внесло особых изменений в политическую обстановку на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане. Шахский Иран, султанская Турция и Россия стали на путь прямых действий для утверждения своего господства в регионе. Россия, воспользовавшись возобновившейся в 1603 г. ирано-турецкой войной за господство на Кавказе, начала политику утверждения своей власти в Засулакской Кумыкии. Весной 1604 г. в Дагестан было направлено около 10 тыс. стрельцов под командованием воевод И.М. Бутурлина и О.С. Плещеева. К ним должны были примкнуть и терские казаки. Кроме того, в походе русских войск принимали участие отряды адыгского князя Сунчалаея Янглычева, вайнахского владельца Батая Шихмурзана и др. [11, с. 125–126].

Основной удар предполагалось нанести по Таркам. После ожесточенного сражения русским войскам удалось взять Тарки, около которых воевода И.М. Бутурлин приступил к возведению нового города-крепости, где должны были зимовать его войска [8, с. 81]. Через какое-то время, согласно данным И.М. Бутурлина, русские войска также захватили сел. Эрпели и «Кара-Бутаки» (сел. Карабудахкент, – прим. Д.К.) [12, с. 480; 2, с. 287].

Военная экспедиция 1604–1605 гг. для русских отрядов вначале была успешной. Им удалось захватить ряд важных стратегических пунктов в Дагестане. Горцы были отрезаны от зимних пастбищ на равнине и в связи с этим находились в тяжелом экономическом положении. Кроме того, воеводы проводили в крае жесткую политику, «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада» [13, Т. 11. с. 37].

Хотя русские войска заняли Тарки, это не принесло им желаемых результатов. К Таркам стали стягиваться ополченцы со всего Дагестана [10, с. 131].

Особую активность в борьбе с русскими войсками проявляли эндиреевский владелец Султан-Махмуд и шамхал Гирей, которые перед опасностью решили оставить свои разногласия и направили все силы на изгнание царских войск из региона. Народам Дагестана за короткое время удалось собрать немало вооруженных ополченцев [14, с. 157]. Так, например, Султан-Махмуду Эндиреевскому удалось собрать отряд численностью свыше 13 тыс. человек [9, с. 89]. Всего собралось ополченцев более 20 тыс. человек и им удалось окружить русские войска в Тарках. Положение последних становилось невыносимым [10, с. 132].

В условиях начавшейся зимы, из-за отсутствия фуража и продовольствия русские войска теряли боеспособность, не могли пополнить свои запасы. Нужно также отметить, что постоянные нападения дагестанцев наносили большой урон русским. Кроме того, смерть царя Б. Годунова весной 1605 г. совсем лишила русские войска поддержки правительства [12, с. СХ, 449, 513–514; 10, с. 132]. Обезопасив себя с севера, дагестанские ополченцы сосредоточили свои основные силы около Тарков, где русские войска во главе с И.М. Бутурлиным продолжали оказывать упорное сопротивление осаждавшим их отрядам горцев.

Вскоре начались мирные переговоры между воеводой И.М. Бутурлиным и дагестанской делегацией. В ходе переговоров кумыкские князья Султан-Махмуд и Гирей потребовали немедленного освобождения сел. Тарки и ухода русских войск из Дагестана.

В результате переговоров командующему российскими войсками Бутурлину удалось договориться о нужных для его отрядов условиях [8, с. 82].

Тарковский шамхал, эндиреевский владетель Султан-Махмуд и османский паша согласились с этими условиями. Кроме того, они обещали выделить русским войскам на дорогу провиант [15, с. 342].

Следует отметить, что сначала местное население покидало свои населенные пункты по маршруту царских отрядов, чтобы не подвергнуться грабежам и плену. Затем горцы стали стягиваться ближе к Таркам, где и произошла решающая битва. Численность русских войск составляла приблизительно от 4000–4500 стрельцов и городских казаков [8, с. 81; 4, с. 286–287; 16, с. 115; 17, с. 49].

Между тем турецкие войска и отряды шамхала (численностью более 10 тыс. человек) осадили и бомбардировали Койсинский острог, одновременно блокировав Тарки. Русский гарнизон «Койсы» морем отошел на Терек. Тогда же русские отряды сожгли Сунженский острог и ушли в Тарки, на помощь российскому гарнизону. После этого турецкими войсками и горцами были осаждены Тарки. Осаждавшие завладели каменной башней, господствовавшей над крепостью, ведя интенсивный ружейный огонь и обстреливая сел. Тарки из артиллерии. В результате начавшихся переговоров воеводы И. Бутурлина с «турским пашею» было заключено соглашение о беспрепятственном пропуске русских войск на Терек [16, с. 116].

Однако вскоре договор был нарушен: после выхода из Тарков русские войска были атакованы и разгромлены. Причем уйти удалось лишь небольшим отрядам. Потери со стороны русских составили от 2000–2500 стрельцов [16, с. 116; 18, с. 50].

В XVII в. наибольшую угрозу политической независимости местного населения, особенно Дагестана, представляла агрессивная политика персидских правителей. Политика персов была направлена на полное покорение народов Дагестана. Кроме того, персидские шахи рассчитывали не только покорить весь Дагестан, но и превратить регион в свой плацдарм, чтобы затем повести наступление на весь северокавказский край с перспективой захватить Крым, Астрахань и т.д. [19, с. 88].

Следует отметить, что в начале XVII столетия международная обстановка благоприятствовала претворению завоевательных планов правителей Ирана. В 1607 г. шаху удалось почти беспрепятственно овладеть Дербентом. Захват Дербента позволял персам контролировать передвижения многочисленных торговых караванов, а также вооруженных сил из Южного Кавказа в сторону Северного Кавказа и даже в Россию. Правитель Ирана Аббас I хотел создать антиосманскую коалицию европейских государств – Англии, Испании, Германии и России. На призыв шаха откликнулось только российское правительство, желавшее направить торговлю шелком с восточными странами по волжско-каспийскому пути. Кроме того, Москва рассчитывала, что успехи в военных действиях персов уменьшат захватнические аппетиты османов и крымцев, часто тревоживших походами юг России.

Следует отметить, что российско-иранский союз сложился, и персы с успехом вели военные операции на Южном Кавказе. В 1606 г. Аббас I захватил Карабах, Грузию и даже Дербент без особого сопротивления [18, с. 168].

Правящая верхушка Дербента пригласила шаха Аббаса I занять город, рассчитывая с помощью персов добиться независимости от османов. Правитель Ирана сделал все, чтобы усилить эти иллюзии, пожаловав местную знать ценными подарками и грамотами за лояльность шаху.

Иранские власти, стремясь превратить Дербент в стратегическую базу в борьбе за господство над Дагестаном, а затем и над всем Северным Кавказом, возвели две поперечные стены, разделили город на 3 части, каждая из которых имела свою оборонительную систему [23, с. 290]. Кроме того, в городе были проведены административные реформы в интересах персидских властей [7, с. 280].

Между тем, конфликт персидского командования с населением Дагестана назревал. В 1607–1608 гг. поводом к первому вооруженному противостоянию послужила попытка персидского командующего Зульфукар-хана, зятя шаха Аббаса I, назначенного

правителем Ширвана, выбить табасаранцев с небольшой территории в Шабране, занятой ими еще при власти здесь османов. Иранские власти хотели на этом месте построить военное укрепление, разместить в ней гарнизон и взять под свой контроль торговую трассу Дербент–Шабран–Шемахи [9, с. 96–97].

В 1610–1611 гг. произошло новое вооруженное столкновение между иранскими войсками во главе с Зульфугар-ханом и табасаранцами. В ходе сражения погибло очень много людей с обеих сторон [20, с. 147]. После этой битвы среди народов Дагестана резко возросли антишахские настроения [9, с. 97; 9, с. 113–114; 10, с. 153].

В 1612–1613 гг. состоялся следующий поход персов в Акуша-Дарго во главе с наместником Ширвана Юсуп-ханом. Узнав об этом, на помощь к даргинцам пришли соседние народы. В ходе сражения персы потеряли две тыс. человек [21, с. 226; 10, с. 153].

Кроме того, иранский шах предпринял вооруженную попытку подчинить своей власти и Тарковское шамхальство. Поводом к этому послужил отказ таркинцев участвовать в совместном походе персидских войск против кахетинского царя Теймураза. По приказу шаха шамхал Гирей должен был собрать и отправить воинский отряд в Грузию [22, т. 2, с. 352, 381].

Следует отметить, что Аббас I вовсе не отказался от планов подчинения кумыков [23, л. 5–7]. Для реализации этих мероприятий иранский шах наметил целый комплекс планов. Правитель Персии планировал отправить свои войска через Грузию с выходом через Дарьяльское ущелье в Осетию, Кабарду и далее на Северо-Западный Кавказ [12, с. 540–541].

Документальные материалы начала XVII в. содержат заявление персидского правителя Аббаса I о том, что шах «ту сторону (Восточное Причерноморье – Д.К.) очистил от Чернево моря, а сю де сторону (Западный Прикаспий, – прим. Д.К.) очищу и до Крыма» [19, с. 88; 22, т. 2, с. 354].

Также, иранский шах намеревался использовать «смутные времена» в России в период польско-шведской интервенции. После убийства тушинского Самозванца атаман И. Заруцкий, захватив Марину Мнишек с сыном от Лжедмитрия I, укрепился в 1613 г. в Астрахани. Под предлогом помощи последним шах Аббас I планировал захватить Астрахань [22, т. 2, с. 351–352].

Грандиозными были планы иранского правителя в отношении народов Южного Кавказа, Северного Кавказа и юго-востока России. Основной базой переброски персидских войск на Северный Кавказ могла быть территория Дагестана.

Следует отметить, что персидским войскам удалось проникнуть в Западный Дагестан, но персы не сумели дальше углубиться в сторону Дагестана [10, с. 160]. Шахские войска не сумели также пробиться и на территорию Осетии и Кабарды. Осетины помешали иранским войскам пройти по их земле – по дороге Чми–Кани–Карца в Алагирское ущелье. Персидские войска вынуждены были повернуть обратно в Грузию, так и не реализовав поставленную стратегическую задачу [2, с. 305, 307; 24, с. 37].

Нужно отметить, что решительные заявления жителей Засулакской Кумыкии о готовности бороться против шахских войск в случае вторжения персов на их территорию, неудача обходного маневра с целью проникнуть на Северный Дагестан, протесты российских властей, в связи с отправкой персидских войск, которые были переданы иранскому послу Хозе Муртозе в 1614 г. в российской столице, заставили шаха воздержаться от более решительных действий на Северном Кавказе [22, т. 3, с. 33; 25, с. 18].

В результате этих событий в 1614–1615 гг. персидский правитель вынужден был отложить намеченный поход в Кумыкскую плоскость, ограничившись угрозами послать против кумыков «Исуп-хана своего со многою ратью», а также добившись отправки против них и российских войск [22, т. 2, с. 292, 345]. Однако от идеи покорения Засулакской Кумыкии персы не отказывались. Иранскому шаху пришлось в этот период заняться подавлением антисефевидских восстаний на Южном Кавказе, а также начавшейся войной с Портой. Поэтому Аббас I не мог заниматься северокавказскими

делами. Он направил в регион крымского царевича Шагин-Гирея, желавшего с помощью Ирана «доступать юрта отца» [26, т.1, с. 393].

Иранские власти рассчитывали использовать связи крымского царевича в среде ногайцев и кумыков как для приведения их под свою власть, так и для отражения попыток крымского правителя Джанибек-Гирея пройти через Северный Кавказ на помощь османам на Южный Кавказ. Летом 1616 г. крымский хан дошел до Кабарды, пытался добиться от воевод Терского города свободного прохода своих войск в Дагестан, но, получив от русских властей решительный отказ, вынужден был вернуться обратно на Крымский полуостров, так и не вступив в бой с отрядами царевича Шагин-Гирея [12, с. 350; 15, с. 342–343; 27, с.182–183].

Дружественные экономические и политические связи между народами Северного Кавказа играли большую роль. Например, в Смутное время, когда российское правительство вынуждено было отозвать с региона немалую часть своих войск для борьбы с интервенцией поляков и шведов, в «Сунженских Гребнях» казаки мирно проживали с местными народами [15, с. 343]. Местные правящие группировки, отколовшиеся во время междоусобной борьбы, старались заручиться поддержкой врагов России (персидских шахов, османских султанов и крымских ханов) и выступали против российского правительства.

Иранский шах Аббас I для организации отпора предстоящего похода крымцев направил на Северный Кавказ Шагин-Гирея, где у крымского царевича среди Малого Ногай и кумыков были «довольно прочные и давние связи» [28, с. 8; 29, т. 1, с. 406; 2, с. 320; 30, с.187; 31, л. 17].

Однако намеченная военная экспедиция крымского хана не состоялась, в ноябре 1616г. стоявшее уже на Кубани большое войско разошлось в связи с голодом [10, с. 163].

В конце 1616 г. по приказу османского султана крымцы предприняли новый поход во владения шахской Персии через Северный Кавказ. Первыми двинулись через Кабарду войска крымского хана Джанибек-Гирея. Здесь к нему присоединились ногайцы Большого Ногай [31, л. 70–73].

Поход крымцев на шахский Иран не удался, но появление войск Джанибек-Гирея в Кабарде и предпринятые им операции оказали воздействие на Больших Ногаев. Ногайцы стали отходить за Волгу, склоняясь принять российское подданство [30, с. 189].

Между тем в 1618 г. был заключен Серавский мирный договор между Персией и Портой, который подтвердил господство персов на Южном Кавказе. После этого иранский шах вновь обратился к северокавказским делам. В 1619–1620 гг. Аббас I направил войска правителя Дербента Бархудар-султана против эндиреевского князя Султан-Махмуда и вынудил последнего признать власть шаха. Через 3 месяца, добившись ухода персидских войск из региона, эндиреевский владетель отказался от зависимости Персии, не дав Аббасу I утвердиться во всей плоскостной части Дагестана и втянуть в сферу своего влияния Большие Ногаи [19, с. 88; 31, л. 70–73].

Вскоре в дело вмешалась Москва, отправившая в 1620 г. в Персию своих посланников В. Коробьина и А. Кувшинова с просьбой отменить новый поход шахских войск в Кумыкскую плоскость. Кроме того, Аббас I организовал в том же году совместный поход дербентского правителя Бархудар-султана и правителя Шемахи Юсуп-хана на Южный Дагестан [32, с. 113].

Кроме военных действий, Аббас I проводил в Дагестане и тонкую политику. Шах одаривал проирански настроенных местных правителей. Так, тарковскому шамхалу Гирею Аббас I ежегодно выплачивал 4 тыс. туманов денег [9, с. 98; 22, т. 2, с. 344].

Однако персам не удалось подчинить своей власти народы региона, хотя они имели и некоторые успехи. Аббас I захватил Дербент, привлек на свою сторону правителя Кайтага Рустам-хана, кахурского султана Алибека, тарковского шамхала Гирея, табасаранского майсума. Но все же прочной власти, за исключением Дербента, Аббасу I в Дагестане установить не удалось [26, т. 1, с. 394].

Между тем походы крымского хана на Северный Кавказ были предприняты и в 1619, 1629, 1631 гг. [15, с. 322; 29, т. 1, с. 97–98; 27, с. 188; 19, с. 138–139].

Между тем, в 1619 г. князь Казиевой Кабарды А. Шогенуков принес присягу в Терском городе воеводе Н.Д. Вельяминову. Последний сообщал российскому правительству, что после присяги «кабардинским владетелем велети им... с твоими государевыми с ратными людьми ногайских мурз (Большого Ногай, – прим. Д.К.) воевати. И они – де, кабардинские мурзы, все со многими людьми ногайских мурз воевати и улусы их разоряти ради, чтоб им, кабардинским мурзам, недружба своя отомстити и кровь им отлити Казыя-мурзы Шепшукова». Кроме того Н.Д. Вельяминов просил Москву поддержать адыгских владетелей, чтобы ногайцы не переселились в Крым [33, л. 10].

Адыгские князья, придерживавшиеся пророссийской ориентации, совместно с русскими войсками участвовали в военных походах на Малые Ногаи [23, л. 9].

Тесные связи с Малыми Ногаями были у адыгского владетеля Шолоха Черкасского, а также у Алегуко Шогенукова. Кабардинские князья часто пригоняли трофейные стада к ногайцам [33, л. 122].

В 1626 г. адыгские владетели Шолоховы «собравсья с крымским с Шан-Гиреевою ратью и с Малым Ногаем с мурзами и с татары» разгромили потомков Идара (Идаровичей), претендовавших с помощью российского правительства на звание старшего князя Кабарды [29, т. 1 с. 109, 127–129; 27, с. 189].

Через ногайцев Малого Ногай крымский хан поддерживал связи с адыгскими князьями. Через ногайцев Крым посылал подарки, осуществлял подкуп и организовывал походы и т.д. Эти эмиссары, находясь среди ногайцев, являлись связующим звеном между Малым Ногаем и Казиевой Кабардой, Большими Ногаями, Терским городом и той частью Кабарды, которая была в союзнических отношениях с Россией и Большими Ногаями [30, с. 151].

Москва в 1634 г. стала готовить почву в регионе с целью привлечения из среды северокавказцев в поход на Малые Ногаи (откуда черпались основные военные силы крымского хана) [29, т. 1, с. 152].

В 1634–1635 гг. под натиском калмыков-ойратов Большие Ногаи перешли на правый берег Волги и, объединившись с Малыми Ногаями, вошли в вассалитет по отношению к Крыму. Новосельский А.А. писал, что «присоединение двух ногайских Орд к Крыму меняло соотношение сил на юге России и сопровождалось тягостными последствиями как для России, так и для Кабарды (а точнее для всего Северного Кавказа)» [19, с. 241]. Однако, в 1636г. и Малые Ногаи и Большие Ногаи были переведены крымским ханом на правый берег Дона с целью вывода их из-под влияния османской администрации в Азове. Таким образом, «степные пространства между Волгой и Доном опустели» [29, Т. 1, с. 203–205].

ЛИТЕРАТУРА

1. Халаев З.А. Этнополитическая и культурно-религиозная история дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI–XVIII вв. Махачкала, 2012. 151 с.
2. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. 372 с.
3. Эвлия Челеби. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Книга путешествия. Вып.2. М., 1979. 288 с.
4. История Дагестана. Т. 1. М., 1967. 431 с.
5. Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955. 1032 с.
6. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. 304 с.
7. Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI–XVII вв. Сб. статей. Вып. 1. Баку, 1949. 153 с.
8. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
9. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926. 196 с.
10. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. 252 с.
11. Абдусаламов М.-П.А. Кумькские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. М., 2017. 264 с.

12. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. 582 с.
13. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 11. 279 с.
14. *Маршаев Р.Г.* Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях во второй половине XVI – начале XVII вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Т. XI. Махачкала, 1963. С. 138–158.
15. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 547 с.
16. *Кидирниязов Д.С.* Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. Махачкала, 2003. 218 с.
17. *Шмелев А.С.* Русско-дагестанский конфликт в начале XVII в. // Славяне и соседи. Османская империя и народы Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы и Кавказа в XVI–XVIII вв. М., 1992. С. 48–53.
18. *Халаев З.А.* Возникновение Джаро-белоканских обществ. // Изв. Волг. гос. пед. ун-та. 2017. № 7 (120). С. 167–170.
19. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 442 с.
20. *Шихсаидов А.Р.* Новые данные по средневековой истории Дагестана // Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 137–154.
21. *Муртазаев А.О.* Кайтаг в VIII – первой половине XIX в. (Исследование политической истории и роли в системе политических структур Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2015. 490 с.
22. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892. Т. 2. – 445 с.; 1898. Т. 3. 731 с.
23. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Д. 2. 1614 г.
24. *Блиев М.М.* Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959. – 164 с.
25. *Цагарели А.А.* Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII вв. СПб, 1891. 51 с.
26. История Дагестана. Т.1. М., 2004. 632 с.
27. *Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К.* Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. Махачкала, 2003. 248 с.
28. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1989. 176 с.
29. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Док. и мат. В 2-х т. Т. 1. М., 1957. 478 с.
30. *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. – 325 с.
31. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие дела. Оп. 1. Кн. 6/№. 1616; Кн.8. 1631.
32. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. 278 с.
33. РГАДА Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. Кн. 6/№. 1619 г.

REFERENCES

1. Khalaev Z.A. *Ethnopolitical and cultural-religious history of the Daghestan-speaking peoples of the Alazani Valley in the 16th-18th centuries* [Etnopoliticheskaya i kul'turno-religioznaya istoriya dagestanoyazychnykh narodov Alazanskoi doliny v XVI–XVIII vv.]. Makhachkala, 2012. 151 p.
2. Kusheva E.N. *The peoples of the North Caucasus and their relationship with Russia* [Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei]. Moscow, 1963. 372 p.
3. Evliya Celebi. *The lands of the North Caucasus, the Volga and the Don region Book of travel. Issue. 2* [Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Kniga puteshestviya. Vyp. 2]. Moscow, 1979. – 288 p.
4. *The history of Daghestan* [Istoriya Dagestana]. Vol. 1. Moscow, 1967. 431 p.
5. *Essays on the history of the USSR. XVII century* [Ocherki istorii SSSR. XVII v.]. Moscow, 1955. 1032p.
6. Bakikhanov A.-K. *Gulistan and Iram* [Gyulistan-i Iram]. Baku, 1991. 304 p.

7. Petrushevsky I.P. *Azerbaijan in the 16th-17th centuries* [Azerbaidzhan v XVI–XVII vv.] Sat. articles. Issue. 1. Baku, 1949. 153 p.
8. Gadzhiev V.G. *The role of Russia in the history of Daghestan* [Rol' Rossii v istorii Dagestana]. Moscow, 1965. 392 p.
9. Bakikhanov A.-K. *Gulistan and Iram* [Gyulistan-i Iram]. Baku, 1926. 196 p.
10. Umakhanov M.-S.K. *Mutual relations of the feudal possessions and the liberation struggle of the peoples of Daghestan in the 17th century* [Vzaimootnosheniya feodal'nykh vladenii i osvoboditel'naya bor'ba narodov Dagestana v XVII veke]. Makhachkala, 1973. 252 p.
11. Abdusalamov M.-P.A. *Kumyk state formations in the strategic plans of Russia in the North Caucasus in the XVII – first quarter of the 18th century* [Kumyckie gosudarstvennye obrazovaniya v strategicheskikh planakh Rossii na Severnom Kavkaze v XVII – pervoi chetverti XVIIIv.]. Moscow, 2017. 264 p.
12. Belokurov S.A. *Russia's relations with the Caucasus* [Snosheniya Rossii s Kavkazom]. Issue. 1. Moscow, 1889. 582 p.
13. Karamzin N.M. *History of Russian State* [Istoriya gosudarstva Rossiiskogo]. Moscow, 1989. Vol. 11. 279 p.
14. Marshayev R.G. Kazikumukh shamkhalism in Russian-Turkish relations in the second half of the 16th - early 17th centuries [Kazikumukhskoe shamkhal'stvo v russko-turetskikh otnosheniyakh vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII vv.]. In. *Scientific notes of the Unstitute of History, Language and Literature of the Daghestan affiliation of RAS*. T. XI. Makhachkala, 1963. pp. 138–158.
15. *History of the peoples of the North Caucasus from ancient times until the end of the 18th century* [Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.]. Moscow, 1988. 547 p.
16. Kidirniyazov D.S. *Mutual relations of Nogais with the peoples of the North Caucasus and Russia in the 16th-19th centuries* [Vzaimootnosheniya nogaitsev s narodami Severnogo Kavkaza i Rossiei v XVI–XIX vv.] Makhachkala, 2003. 218 p.
17. Shmelev A.S. The Russian-Daghestan conflict in the early 17th century [Russko-dagestanskii konflikt v nachale XVII v.]. In. *Slavyane i sosedi. Osmanskaya imperiya i narody Tsentral'noi, Vostochnoi, Yugo-Vostochnoi Evropy i Kavkaza v XVI–XVIII vv.* (Slavs and neighbors. The Ottoman Empire and the peoples of Central, Eastern, South-Eastern Europe and the Caucasus in the 16th-18th centuries). Moscow, 1992. PP. 48–53.
18. Khalaev Z.A. The emergence of Jaro-Belokan societies [Vozniknovenie Dzharo-belokanskikh obshchestv]. In *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta=News of the Volgograd Paedagogical University*. 2017. № 7 (120). PP. 167–170.
19. Novoselsky A.A. *The struggle of the Moscow State with the Tatars in the first half of the 17th century* [Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine KhVII veka]. Moscow; Leningrad; 1948. 442 p.
20. Shikhsaidov A.R. New data on the medieval history of Daghestan [Novye dannye po srednevekovoi istorii Dagestana]. In. *Uchenye zapiski IYal Daghfiliala AN SSSR* (Scientific notes of the Unstitute of History, Language and Literature of the Daghestan affiliation of RAS). Makhachkala, 1961. Vol. 9. PP. 137–154.
21. Murtazaev A.O. *Kaitag in the 8th - first half of the 19th century. (Study of political history and role in the system of political structures of the North-Eastern Caucasus)* [Kaitag v VIII – pervoi polovine KhIKh v. (Issledovanie politicheskoi istorii i roli v sisteme politicheskikh struktur Severo-Vostochnogo Kavkaza)]. Makhachkala, 2015. 490 p.
22. *Written memorials of diplomatic and commercial relations of Muscovite Russia with Persia* [Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei]. St. Petersburg, 1892. Vol. 2. 445 p.; 1898. Vol. 3. 731 p.
23. Relations between Russia and Persia [Snosheniya Rossii s Persiei] In. Russian State Archive of Ancient Acts (here in after – RGADA) [Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov] F. 77. R. 1. P. 2. 1614.
24. Bliiev M.M. *Accession of North Ossetia to Russia* [Prisoedinenie Severnoi Osetii k Rossi]. Ordzhonikidze, 1959. 164 p.
25. Tsagareli A.A. *Relations between Russia and the Caucasus in the 16th-18th centuries* [Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI–XVIII vv.]. St. Petersburg, 1891. 51 p.

26. *The history of Daghestan* [Istoriya Dagestana]. Vol. 1. Moscow, 2004. 632 p.
27. Kidirniyazov D.S., Musaurova Z.K. *Essays on the history of the Nogais of the 15th-18 centuries* [Ocherki istorii nogaitsev XV–XVIII vv.]. Makhachkala, 2003. 248 p.
28. Ahmadov Ya.Z. *Essays on the political history of the peoples of the North Caucasus in the 16th-17th centuries* [Ocherki politicheskoi istorii narodov Severnogo Kavkaza v XVI–XVII vv.]. Grozny, 1989. 176 p.
29. *Kabardin-Russian relations in the 16th–18th centuries* [Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy]. M., 1957. 478 p.
30. Malbakhov BK, Dзамikhov K.F. *Kabarda in Russia's relations with the Caucasus, the Volga region and the Crimean Khanate* [Kabarda vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em i Krymskim khanstvom]. Nalchik, 1996. 325 p.
31. Kabardian, Circassian and other matters [Kabardinskie, cherkesskie i drugie dela]. In RGADA. F. 115. R. 1. B. 1616; B. 1631.
32. Ramazanov Kh.X., Shikhsaidov A.R. *Essays on the history of southern Daghestan. Materials to the history of the peoples of Daghestan from ancient times to the beginning of the 20th century* [Ocherki istorii yuzhnogo Dagestana. Materialy k istorii narodov Dagestana s drevneishikh vremen do nachala XX veka]. Makhachkal, 1964. 278 p.
33. Relations between Russia and the Nogai Tatars [Snosheniya Rossii s nogaiskimi tatarami]. In RGADA. F. 127. R. 1. B. 1619.

